

ГУРЬЕВСК

***Литературный
сборник***

Гроза

Б. Кузнецов

За Салаир откатится гроза,
Неся с собою громы и потоки,
И радуги цветная полоса
Победно засверкает на востоке.

В ее сиянии со всех сторон
Несется по оврагам и дубравам
Разноголосый птичий перезвон
И падает в сверкающие травы.

Округа разомлела от тепла
И, торопясь, перекричать друг друга.
Опять стучат в хлебах перепела,
Оправившись от краткого испуга.

Все надоест,
Все обернется скукой.
Привычны станут встречи и разлуки,
Друзья, застолья праздничные звоны,
Но этот неумолчный птичий гомон,
Все звуки заглушающий окрест,
Покряхтованье грома на излете
И радуга в ликующем полете -
Вот это никогда не надоест.

Гора «Смешная»

Б. Кузнецов

Упругою, накатанной лыжней,
Виляя от опушки до опушки,
Мы доходили до горы «Смешной»,
Заросшей золотистою сосной,
Скорее не горы, а так, горушки.

Волнение зашкаливало пульс,
Когда вдруг, неожиданно и быстро,
Срывались лыжи на отвесный спуск,
Короткий и стремительный, как выстрел.

Желание тогда владело нами:
Лететь стрелой, изящно и легко,
По спуску, перерытому боками
Лихих, но невезучих смельчаков.

И далеко не всем случалось съехать,
Не разбросав колючий снег спиной.
Падение приветствовалось смехом
И потому гора звалась «Смешной».

Вахруня

Б. Кузнецов

Послевоенный гурьевский футбол,
Когда народ, как в праздничной колонне
По улице Революционной
На стадион сплошным потоком шел.

Всех футболистов помнили по имени,
Гордились, воздавали им хвалу.
Они громили кемеровский «Химик»,
«Шахтер» прокопьевский,
Кузнецкий «Металлург».

Непробиваемый защитник Соснин,
Для нападающих чужих гроза.
Фасонистый вратарь Широков Костя
Весь в черном, в кепке козырьком назад.

А нервы у болельщиков, как струны,
Когда летит в ворота гол чужой,
Но был любимец публики Вахруня,
Володя Вахрушев.
Центральный, голевой.

Фортуны переменчивая чаша
И неизвестно, чей победный час.
Противник наседает, бьются наши
И здесь Вахруня получает пас.

Вот он второго, третьего обходит,
Уже с мячом он у чужих ворот.
Взрываются трибуны:
- Бей, Володя!
- Давай, Володя!
И Вахруня бьет.

Волчья ягода

Б. Кузнецов

Год и месяц я помню точно. Тысяча девятьсот сорок седьмой, июнь. А день приблизительно. В самом начале второй половины, потому что цвела волчья ягода.

Так называли у нас довольно высокий, ломкий кустарник, заполонивший косогоры. Он цвел белым и розовым, а к осени на ветках густо краснели ягоды, которые не склевывали птицы, даже дрозды, ненасытные пожиратели всего, что вызревало на кустах. Но мы, ребяташки, каждый, хотя бы по разу, рвали эти ягоды и разжевывали. Вкус они имели сладковатый, но какой - то неприятный. После их долго першило в горле. Позднее я узнал настоящую волчью ягоду, плоды которой чрезвычайно ядовиты и даже сиреневые цветы, если подышать их запахом, обрекали на сильнейшую головную боль.

Как называется тот кустарник, который мы считали волчьей ягодой, я и сейчас не знаю, но в тот день он цвел. А мы шли на рыбалку с ночевкой. Я, брат Сашка и дед.

День перевалил за половину, зной стоял в безветрии, многоэтажные облака парили над горами. Снеди у нас было только - только, а одежда, вся на нас: штаны, рубашка, куртка и, конечно, кепка. Вещь совершенно необходимая. В кепку втыкались запасные крючки. Дед шел в сапогах, мы босые. Босьяками мы ходили от первой травы до первых заморозков.

В речке нашей, Черневом Бачате, который мы называли Черновой, рыбы водилось много, но рыба была мелкая. Гальяны да пескари. И еще ельцы, но они ловились у нас редко, а у деда чаще. Нам на одном месте не сиделось, мы бегали от заводинки к заводинке, а дед сидел, поставив на рогульки две, тут же срезанные черемуховые удочки, крутил из газеты «козьи ножки» и, набив их самосадом, дымил, разгоняя комаров.

Мы с Сашкой еще выбирали для удилищ прямые и гибкие побеги, как из

прибрежных зарослей появился дед и радостно объявил:

- Ребятишки, а ведь сегодня пещера свободная.

Пещерой называлась довольно просторная полость, размытая в обрывеполой водой. Вход в нее был низок и не широк, а свод поддерживался корнями кустарников, росших наверху. В ней могли свободно разместиться человек шесть подростков или четверо взрослых. Пустовала она редко. Переночевать в пещере считалось удачей. Сухо, тепло и дров нужно самую малость.

- Вы бегите, наломайте с волчьей ягоды веток, чтобы на голой земле не спать, а я дровишками займусь, - дед, основательный, неторопливый, старался все делать загодя. В отличии от нас.

Мы сбегали раз, другой, третий. Пока он не сказал: «Хватит!». Да мы и на голой земле могли бы переспать. В конце концов, мы сюда шли рыбачить, а не кусты ломать. Мы схватили заготовленные удочки и помчались вдоль берега.

Клевала рыба плохо, даже жадные и вечно голодные гальяны капризничали. Мы ходили от переката к перекату, но не могли наткнуться на место с хорошим клевом. Дед сидел на облюбованном месте, курил, смотрел на неподвижные поплавки и вполголо-

са, чтобы не пугать рыбу, ругался.

Облака, висевшие над горами, обернулись черными тучами и ползли навстречу друг другу с северной и южной сторон, но на это мы обратили внимание, когда солнце скрылось. И сразу загремело, засверкало и полило.. Мы спрятались в пещере и через проем смотрели как крупные капли, несшиеся сплошной стеной, превратили в кипень спокойную поверхность плеса.

- Хорошо - то как, - философствовал дед, - вот сейчас бы мы под этим дождичком да без крыши. А?

Я и брат дружно поежились. Без крыши нам была хана.

- Пришлось домой бы идти, - продолжал дед.

Домой идти не хотелось. Мы мечтали о рыбалке с ночевкой, готовились к ней.

Гроза кончилась так же неожиданно, как и началась. Тучи разбежались за горы, засверкало солнце, засверкали мокрые кусты и травы. Мы с удочками побежали к облюбованным местам. Земля прогрелась, над водой сколь-

зил туман.

Немного рыбы мы все равно поймали, и при первых сумерках запалили костер, стали варить уху. В котелок накрошили картошки и под уголья костра заложили картошку печься. Выложили на дедов пиджак пучок зеленого лука и соль. Наша рыба в чистке не нуждалась, мы освобождали ее от внутренностей, выдавливая их пальцами. Гальяны были жирными, уха получилась наваристой, но слегка горчила. Мы ели ее, прикусывая печеной картошкой и луком. Хлеба у нас было мало. Карточки еще не отменили. Хлеб мы приберегали на утро. Утром варить некогда, пожужим хлеб с кипятком и ловить. Поужинав, мы лежали на запашистых ветках и пилили глаза на огонь, пока не заснули.

Проснулся я от того, что выспался. Серый свет стоял за входом в пещеру, дед сидел у костра и ломал сучки, бросал в огонь. Сашка спал, прижавшись ко мне, а на наши ноги дед набросил свой пиджак.

- А время сколько? - спросил я.

- Восемь прогудело, - ответил дед. помолчал и добавил - Давно.

Часы тогда не носили. Просто их не было. Все, кто находился вне дома, определяли время по солнцу, по звездам да по заводскому, громкоголосому гудку. В тихую погоду его слышали за десятки километров.

- А чо, не рыбачишь? - Дед не ответил.

Я собрался выскочить из пещеры по необходимости, но он остановил меня и стал зачем-то стаскивать сапоги. Я переминался от нетерпения. Дед протянул мне обувку, велел одеть. «Зачем?» - удивился я.

- Надевай, а там узнаешь, - сказал дед.

Затолкав ноги в теплые сапоги, я выполз из пещеры. Всюду лежал снег. Он плотно накрыл уже не низкую траву, пригнул к земле черемухи и талины. Даже при отсутствии солнца он слепил глаза. В пещеру я вернулся удрученный.

- Сашку буди! - приказал дед, - Мне из-за вас все время разуваться, обуваться, однако, сапог не хватит.

Сашка тоже вернулся понурый. Понятно было, что рыбалка наша закончилась.

Дед принес охапку хвороста и пошел ловить рыбу. Ему-то что, он в сапогах. А мы сидели у костерка, время от времени подбадривая огонь свежими дровами, и пили кипяток, заваренный смородиновыми листьями. А потом нас нашла мама. Она принесла нам обувь, и мы пошли домой. Дед остался. Он не хотел возвращаться с пустыми руками. Мы шли по, начавшему вытаивать, лугу. Облака поредели и там, где солнечные лучи падали на, освободившуюся от снега, траву, она была не просто зеленой, а зеленой до чрезвычайности.